УДК 323.2

ЛОБАНОВ К.Н.

Проблемы формирования солидарного общества в России в контексте переосмысления зарубежного и отечественного опыта

Данная статья посвящена актуальной для российской внутренней политики проблеме создания основ солидарного общества в нашей стране. Автор публикации стремится показать возможность и настоятельную необходимость активизации солидаристских, консолидационных усилий государственной власти и гражданских структур в целях преодоления растущей поляризации социума и предотвращения скатывания к реалиям классового общества. Для этого в статье рассматриваются различные зарубежные модели солидарного общества и анализируются возможности использования того или иного опыта в России.

Ключевые слова: солидаризм, солидарное общество, модель солидарного общества, экономическая и социальная реформа, политическая модернизация, трансформации в массовом сознании и психологии.

Тема солидарного общества, надклассовой интеграции, социальной консолидации в последнее время стала весьма популярной в самых широких кругах представителей государственной власти и общественности. Этот мотив отчетливо звучит в посланиях Главы государства Федеральному Собранию Российской Федерации, содержится в выступлениях региональных руководителей, закладывается в программные документы деятельности государственных органов, политических партий, общественных объединений, пронизывает концепции развития регионов и муниципальных образований. Солидаризм становится головной проблемой научных и научно-практических симпозиумов, конференций и иного рода обсуждений среди ученого сословия.

Наконец, консолидирующие призывы в разных вариациях превратились в яркий бренд, эффектный девиз, средство информационно-пропагандистского воздействия на массовое сознание и подсознание граждан. Интерес к проблеме солидарного общества понятен и имеет объективные основания. Он вызван осознанием все большим числом россиян необходимости объединяться, сплачиваться, интегрироваться и. т. д. для совместного преодоления трудностей социально-экономического и политического развития страны. Действительно, солидарное общество представляется многими в виде некоей высшей и даже совершенной формы социальной организации, где за счет достижения высокой степени внутренней консолидации населения обеспечиваются гармоничное, устойчивое развитие и рост во всех сферах социальной жизни. Однако простое признание факта идеальности солидарного общества и рассуждения на эту тему в гипотетических категориях вообще нам ничего не дадут. Далее неизбежно следуют вопросы: а удалось кому-нибудь в мире создать такое общество? если да, то как они этого добились? стоит ли нам браться за это дело? если да, то с чего начать и какие результаты здесь реально достижимы? Не всегда на эти вопросы мы можем получить прямой и понятный ответ, даже тогда, когда по этому поводу проводятся очень представительные научные мероприятия. Зачастую на этих форумах делаются парадоксальные и противоречивые выводы, которые еще больше озадачивают аудиторию и лишь уводят от понимания сути проблемы. Автор статьи, не претендуя на бесспорность своих мыслей,

не склонный впадать в академизм и не ставящий целью прослеживать историю вопроса «от начала времен», попытается высказать свою позицию по проблемам созидания основ солидарного общества в нашей стране.

В поисках ответов на поставленные вопросы будем двигаться последовательно и опираться только на очевидные факты. Прежде всего определимся с главной проблемой – можем ли мы сегодня говорить о солидарном обществе как о реальной действительности или как о чисто мыслительной конструкции. Еще до недавнего времени этот вопрос решался однозначно в пользу второго суждения и любые разговоры о солидарном обществе велись только в теоретической плоскости. В прошлые годы в ходу были концепции «социократии» Огюста Конта, «классовой солидарности» Эмиля Дюркгейма, «солидарного общества» Леона Дюги, в той или иной степени отличавшиеся оригинальностью и смелостью идей, но все же оказавшиеся умозрительными и малоосуществимыми кабинетными проектами. Для реализации этих проектов тогда просто не вызрели объективные условия. Главными препятствиями на пути к солидарному обществу являлись сильная имущественная и социальная поляризация населения и возникавший на этой почве непреодолимый антагонизм интересов и потребностей различных групп людей. Причинами же такого антагонизма были особенности капиталистического способа производства и системы распределения. Под воздействием научно-технической революции (т.н. «второй технологической волны») и социалистических преобразований в России западный классический капитализм стал видоизменяться начиная с середины прошлого столетия. Происходят глубокие структурные экономические, социальные и политические реформы, в результате которых западное общество постепенно становится все более социально однородным. Его основу составляют не два-три противостоящих друг другу класса-антагониста, как это было прежде, а один многочисленный и социально весомый «средний класс». Этот социальный массив отличался высоким уровнем качества жизни, имел широкий доступ к основным видам ресурсов (доход, престиж, образование, социальный сервис). «Средний класс» по мере роста его численности все больше становился гарантией стабильного и устойчивого развития западных государств и гражданских обществ, поскольку такой класс кровно заинтересован в поддержании устраивающего его экономико-социального и политического порядка и в наименьшей степени склонен к участию в социальных конфликтах. Вполне возможно, что именно по этой причине западное общество в итоге не пошло по пути социальных войн и революций, сделав выбор в пользу реформ и мирных модернизаций. Между относительной социальной однородностью западных обществ, их приверженностью к ненасильственным способам осуществления преобразований и установлением солидаристских основ таких обществ существует прямая причинно-следственная связь. Однородно близкий и приемлемый большими массами людей их социальный статус делает общества внутренне более интегрированными и солидарными. Народ консолидируется вокруг тех или иных экономических, социальных, политических, идеолого-культурных ценностей, по отношению к которым в обществе со временем складывается хотя бы минимальный, но обязательно общенациональный консенсус. Люди, таким образом, начинают разделять одни и те же или похожие социальные идеалы, стремятся следовать одним ценностным установкам, вырабатывают близкие жизненные ориентиры, придерживаются похожих этических норм. Зародившись в сфере морально-оценочных и поведенческих категорий людей, солидаризм начинает постепенно материализовываться. Он воплощается во вполне конкретных институтах и нормах, которые находят свое выражение в экономической и политико-правовой системах государства. В современных конституциях Германии, Франции и Японии, например, содержится прямое указание на солидарный характер государства, что выражается в поддержке и проведении государством мер по «социализации собственности», «повышению социальной ответственности бизнеса»,

«принятию законов о здравоохранении, социальном обеспечении, охране труда как соответствующих норме социальной солидарности».

Таким образом, отвечая на первый и главный вопрос касательно судьбы солидарного общества, мы можем уверенно заявить о том, что такое общество создано и существует де-факто, хотя и не повсеместно в мире, а скорее в отдельных группах стран. Да и степень развитости такого общества тоже не везде одинаковая. Но это общество существует, и существует уже более полувека. А раз так, то, значит, имеются определенные алгоритмы движения к этому типу социальной организации, разработанные и пройденные другими странами и нациями. То есть люди знают, как это делать. Применительно к Западной Европе можно говорить о двух путях продвижения к солидарному обществу: «шведский» и «испанский». Подобное разделение очень условно, поскольку речь идет об одних и тех же действиях, различен лишь порядок их осуществления.

Шведы и прочие скандинавы вначале принялись создавать экономические и социальные предпосылки солидарного общества, а затем стали формировать соответствующие ему политические и иные институты. Так, в 30-х годах прошлого столетия группой докторантов Гётеборгского и Стокгольмского университетов (примечательно то, что не государственными деятелями или официальными учеными!) руководству правящей социал-демократической партии была предложена оригинальная модель хозяйственного и социального развития страны на долгосрочную перспективу. Сегодня эта модель получила известность как доктрина «народного капитализма» или концепция «шведского социализма». Суть ее довольно проста. Продвигая последовательно реформы в сфере управления экономикой и распределительной системой, преодолевается углубление имущественной и социальной поляризации общества, существенно сокращается та часть населения страны, которая была не в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум. Важнейшим инструментом реализации этого плана стала государственная программа акционирования крупных производств или, выражаясь словами Леона Дюги, «социализации собственности». Активы всех крупных и частью средних предприятий, прибыль которых составляет национальный доход страны, были распределены между владельцами этих предприятий и трудящимися на них работниками и служащими. Например, только от 3 до 5% акций автомобильных гигантов «Вольво» и «Скания» принадлежат их владельцам, остальные 95% ценных бумаг находятся в собственности работников наемного труда. Таким образом, все, кто задействован в процессе производства продукции и капитала, являются совладельцами и продукции, и капитала. Такое вот солидарное общество в миниатюре. Регулированием отношений собственности Шведское государство не ограничилось и пошло дальше. В духе солидаризма были проведены фискально-налоговая и бюджетная реформы. Все самодеятельное население стало платить подоходный налог в казну по прогрессивной шкале, исходя из принципа «чем больше зарабатываешь тем больше платишь налогов». Верхняя граница шкалы налогообложения могла достигать 80% с дохода. Иными словами, из 100 заработанных крон швед мог уплачивать до 80 крон налогов. Несправедливо? Несолидарно? Если подходить к вопросу число механически, то да. Однако шведское государство вовсе не собиралось изымать эти средства у населения для собственных нужд, а возвращало их обществу, используя для этого специальные фонды потребления. Через эти структуры, находящиеся под жестким государственным и гражданским контролем, аккумулированные средства направлялись на реализацию широкомасштабных социальных программ – организацию доступного, качественного и бесплатного (вплоть до высшего!) образования и здравоохранения, создание эффективной системы охраны труда и социального страхования, борьбу с бедностью и безработицей, обеспечение малоимущих слоев населения достойной социальной защитой, поддержку пенсионеров, развитие системы профориентации и профессионального переориентирования молодежи, защиту семьи, материнства, отцовства

и поощрение рождаемости, создание чистой экологической среды обитания. Такие действия правительства были поддержаны большинством населения и воспринимались им позитивно как соответствующие норме справедливого правления.

Под воздействием социального реформаторства в шведском обществе начали происходить глубокие структурные изменения. Ушли в прошлое жесткая социальная поляризация и вопиющее имущественное расслоение среди населения, исчезли олигархия и крайняя нищета, сформировался многочисленный и зажиточный «средний класс», на смену классовым интересам и потребностям пришли интересы общенациональные. Эти изменения отразились и на политической ситуации в стране. Постепенно сошли на нет классовые партии и организации с их непримиримой идеологической риторикой и склонностью к конфронтационным способам отстаивания своей правоты. На политической арене стали преобладать силы, отстаивающие взгляды народного большинства, всей нации, использующие исключительно конституционные и преимущественно умеренные формы политической борьбы. Утвердилась мультипартийная система с очевидной доминантой одной политической партии (совсем как у нас), выступающей своего рода хранителем существующего социально-экономического и политического порядка и гарантирующей преемственность курса в границах демократического развития. Глубокие трансформации затронули также массовое сознание и психологию граждан и подданных северных стран. От мышления в императивных категориях (один повелевает, а другой подчиняется), характерных для классовых систем, мировоззрение людей совершило путь к осознанию необходимости согласования общественных интересов и потребностей на паритетной основе, что свойственно надклассовым формам социальной организации. От имущественной и социальной обособленности – к кооперации, от нетерпимости и конфронтации – к социальным компромиссам и согласию, от узкогруппового эгоизма и частных интересов – к заботе о сохранении целостности всего общества. Такова в общих словах логика понимания скандинавами преимуществ социального мира и солидарного общества перед разобщенностью и антагонизмами классического капитализма. При этом стоит заметить, что в общественном сознании такое понимание утвердилось вовсе не под воздействием непосредственной угрозы революции или гражданской войны. Просто общество, и в первую очередь наиболее богатые его граждане, элита, созрели до психологической готовности делиться доходами, платить разумную цену за мир и спокойствие во всем обществе. Преодоление такого психологического барьера трудно дается, но дорогого стоит! Потому что именно с этого шага, по сути, и начинается реальное движение к солидарному обществу.

Жители Испании, так же как и скандинавы, пришли к аналогичному выводу. Правда, свой нелегкий путь к солидарному обществу они начали с политических преобразований, а не с реформ экономики и социальной сферы. К середине 70-х годов прошлого столетия Испания считалась едва ли не самой проблемной страной континента, ее называли «больным человеком» Европы. Государство раздирали, казалось бы, непримиримые противоречия. Классический для буржуазного общества антагонизм между трудом и капиталом дополнялся тотальной «bellum omnium contra omnes» по многим азимутам социальной жизни: политическому, идеологическому, национальному. Поэтому самым актуальным вопросом для страны стало преодоление наследия гражданской войны и достижение гражданского мира. В качестве решения этой проблемы был предложен вариант подписания основными политическими силами страны фундаментального акта, определяющего совокупность политических мер по переходу государства от авторитарного правления к демократии. В документе, известном как «Пакт Монклоа» (по названию резиденции правительства в Мадриде) и подписанном в 1977 г., говорилось о вполне конкретных делах – таких, как легализация политических партий, введение парламентского контроля над средствами массовой информации, реорганизация сил правопорядка, либерализация законодательства о митингах и

собраниях, демократизация избирательной системы и. т. п. мерах «переходного» периода. Однако истинное назначение этого документа было намного шире его предметного содержания. Ведущим политическим партиям и организациям было предложено преодолеть классовые, идеологические, национальные разногласия, отказаться от насилия как способа политической борьбы и на этой основе обеспечить необходимый для завершения перехода к демократии период спокойствия и стабильности. При этом базовыми ценностями и ориентирами, призванными консолидировать различные слои общества и их политические организации вокруг поставленной цели, объявлялись стремление «восстановить былое величие страны», «преодолеть экономическую отсталость», «побороть бедность и сгладить вопиющие социальные диспропорции», «добиться процветания и устойчивого роста», «развивать социальное партнерство и солидарность». Эти принципы «социального государства», а также требование отказа от насилия были созвучны настроениям широких масс населения, страдавших от социальной несправедливости и желавших скорее преодолеть период жесткого гражданского противостояния. В результате «Пакт Монклоа» был поддержан обществом и до сего момента является классическим примером компромисса между различными социально-политическими силами на основе солидарного общенационального консенсуса для реализации общих задач в «переходном» обществе. Для новейшей истории Испании значение этого документа трудно переоценить. Благодаря достижению наивысшей в тех условиях степени интеграции населения и почти безусловной поддержке обществом усилий власти в лице молодого и энергичного монарха Хуана Карлоса I в сравнительно короткие сроки была выстроена политическая система демократического типа, проведены другие необходимые реформы. В условиях политической стабильности произошел мощный взлет экономики (начиная с 80-х годов прошлого столетия и вплоть до кризиса «нулевых» годов Испания лидировала в Западной Европе по темпам роста основных макроэкономических показателей). Вслед за этим правительство последовательно осуществило демократизацию системы социального обеспечения и сферы образования, провело налоговую реформу по примеру северных стран, сумело ликвидировать бедность, выравняло доходы и уровень жизни населения. Социальные реформы, таким образом, послужили объективной основой для дальнейшего развития солидаристских тенденций в обществе. Большое влияние на массовые настроения оказали политические партии, авторитет которых среди населения стран Южной Европы традиционно велик. Политические организации модернизировали свои идеологические доктрины и усилили в них солидаристские акценты: христианско-католические (идея равенства людей перед Богом и помощи ближнему), неоконсервативные и неолиберальные (концепция социального партнерства), социалистические и социал-демократические (теории социального мира и государства всеобщего благоденствия), анархо-синдикалистские (тезис о бесклассовых ассоциациях – коммунах). Современные испанцы хорошо понимают значимость консолидирующих факторов для их страны, пережившей бурные и трагические времена. В приверженности солидаристским идеям они видят едва ли не самую надежную гарантию от возврата в прошлое.

Солидаризм как идея и солидарное общество как результат практической деятельности вовсе не являются достоянием только европейского политического сознания и культуры. Замечательные образцы консолидации общества показывают Азия и Латинская Америка. Сегодня можно, например, говорить о «китайской», «северокорейской» или «кубинской» моделях солидарного общества. В основуфункционирования этих моделей заложены вообще не экономические или политические механизмы, а идеологические принципы. Идеология в целом является мощным системообразующим и консолидирующим фактором развития социума. Правильно сформулированные правящей силой и привлекательно поданные обществу теории и концепции способны творить чудеса. Они помогают «собирать» воедино расколотые ранее нации (Китай, Вьетнам), активизируют мобилизационные возможности общества для выполнения великих

социальных или национальных миссий (Китай, Северная Корея, Куба, Венесуэла), поддерживают единство общества и власти. Таким образом, солидаризирующий эффект от идеологического воздействия на массы удваивается, а то и утраивается. Сейчас можно сколько угодно спорить о степени демократичности политических режимов в той или иной юго-азиатской или латиноамериканской стране, даже иронизировать над эмоциональными проявлениями горя северокорейского или венесуэльского народов, потерявших своих лидеров. Однако никто не может отрицать той высокой степени социальной сплоченности, недосягаемого уровня солидарности людей, сильнейшей харизмы власти, которых удалось добиться этим нациям и которые являются предметом тихой зависти для любого правительства любой из «цивилизованных» стран.

О возможных вариантах моделей солидарного общества можно говорить и далее. Однако пора вернуться на российское политическое поле, к другим вопросам, обозначенным нами в начале статьи. И прежде всего это вопрос о том, что если солидарное общество в общих чертах удалось выстроить в других странах, то возможно ли повторение этого опыта в наших условиях? Здесь, во-первых, требуется определиться в главном. А нужно ли нам такое общество? В принципиальном плане этот вопрос решается однозначно утвердительно. Без возведения прочных солидарных основ наше общество не преодолеет глубоких социальных, имущественных, политических, идеологических диспропорций и раскола, порожденных событиями 1991–1993 гг. и последующим периодом истории, а значит невозможным станет дальнейшее созидание, которое под собой имеет всегда только здоровую социальную основу. Ну а если солидарному обществу нет альтернативы, то, во-вторых, необходимо выбрать наиболее подходящую модель для такого строительства. Будет ли это заимствованная конструкция или национальное ноу-хау? Однозначно здесь ответить труднее. Зарубежные модели привлекательны, но они специфичны и полноценно «работают» лишь в конкретных условиях. Свою же модель мы пока еще не создали. Точнее, она у нас была, но мы от нее добровольно отказались и даже в свое время предали анафеме. Это советский вариант солидарного общества. В общих чертах его базовые концепты схожи с уже упомянутыми нами азиатской и латиноамериканской моделями и основываются на идеологических принципах. Поэтому возврат к идеологическим основам общественного и государственного устройства нашей страны (не обязательно коммунистическим или вообще «левым») можно считать одним из подходов к утверждению солидаризма. В роли идеологии, обладающей большими консолидирующими, сплачивающими людей возможностями, могла бы выступить «национальная идея» с заложенной в ней триадой – государственности, гражданственности, патриотизма. На этой основе, скрепленной принадлежностью нации к великой культуре и героическому прошлому, возможен долговременный консенсус различных социальных и политических сил по самому широкому кругу актуальных вопросов. Готовность общества к принятию определенной идеологической установки как руководства к действию, ориентира для дальнейшего развития закрепляется определенными политическими действиями. Ведущим политическим силам страны необходимо вернуться к подписанию акта конституционного значения об отказе от конфронтационных способов ведения борьбы за власть и приверженности только ненасильственным методам разрешения споров, подобно тому, как это было предпринято в 1994 г. в отношении «Договора об общественном примирении и согласии». Тогда эта попытка ни к чему не привела, возможно, также потому, что не был внимательно изучен испанский опыт выхода общества из политического кризиса. В то же время никакие политические соглашения не дадут гарантии социальной стабильности без соответствующих преобразований экономической и социальной сфер. Пойдут ли эти реформы по «шведскому» или какому-нибудь еще пути – не столь важно. Главное, чтобы они соответствовали социальным ожиданиям подавляющей части населения страны, ее запросам на социально справедливое общественное устройство и вели бы к реальному

преодолению вопиющего и продолжающего расти классового расслоения среди наших граждан. Старые, как мир, и мудрые, как правда, принципы: «всегда делись с ближним», «пожертвуй частью дохода в обмен на стабильность», «придерживайся мира, он всегда лучше войны» – составляют суть солидаризма и адресованы скорее богатой и богатейшей части россиян. Однако именно эти принципы должны быть поддержаны нынешней российской властью и положены ею в основу социально-экономического реформаторства. Некоторые могут возразить, что все это – примитивные популистские лозунги, зовущие к прошлому, к «уравниловке», к социализму. Конечно, если отбросить всякие «измы» в сторону, то, действительно, в идее солидарного общества нет ничего сверхъестественного и заумного, она проста и понятна. А с другой стороны, если уж речь и идет о социализме, то почему бы нам не ориентироваться на шведский или австрийский «солидарный социализм»? Лично я – только «за»!

Таким образом, делая выбор в пользу солидарного общества, российские граждане и власть имеют время и возможность изучить позитивные стороны и взвесить издержки той или иной социальной модели. Такую возможность надо высоко ценить и уметь правильно и своевременно ею распорядиться. А это значит, что вряд ли нам потребуется класть силы на «изобретение своего велосипеда» и, скорее всего, придется пользоваться чужими наработками. Но это не значит, что мы обязаны стремиться к механическому копированию готовых образцов. Скорее наоборот: испытывая влияние опыта других стран, наше общество может обогатить его собственной практикой укрепления солидарных основ социальной жизни в новых современных условиях. Например, заслуживают внимания попытки возведения солидарных основ общежития в отдельных субъектах Российской Федерации. Некоторые из них добились здесь довольно внушительных результатов. Успешно преодолевая наиболее злободневные социальные трудности, используя результаты экономического роста в интересах всех жителей территорий, подключая различные слои населения к решению общих задач развития «малой» родины, региональные руководители не только способствуют снижению социальной напряженности на местах, но и создают благоприятную основу для укрепления внутренней сплоченности и морально-политического единства внутри того или иного регионального сообщества[1]. Приятно осознавать, что Белгородская область находится в лидерах этого процесса. Вместе с тем было бы неверным полагать, что солидарное общество можно выстроить на отдельно взятой территории. Без общенационального гражданского движения в поддержку этой идеи и целенаправленной государственной политики достижение впечатляющих, но локальных результатов мало что изменит для страны в целом. Однако ситуация может коренным образом измениться при условии, что число подобных «очагов» растущего солидаризма в стране станет расти. Повинуясь гегелевскому закону о переходе количества в качество, отдельные «точки экономического роста» и «острова социального благополучия» впоследствии неизбежно будут тянуться друг к другу и, образуя целые зоны стабильного социального развития, создадут необходимую материальную основу для утверждения солидаристских принципов, этики и психологии в общенациональном формате. Будет ли такая перспектива выглядеть вечной фантастикой или станет достижимой реальностью, зависит только от нас, от наших действий, мыслей и слов.

[1] См.: Огнева В.В. Правовая культура как фактор эффективной защиты прав граждан в современной России [Текст] В.В. Огнева//Образование и общество. 2011. № 1. С. 4–6.